

ЖИВНА

№ 28

12 Іюля 1914 г.

Нѣсколько лѣтъ съ А. Л. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣттю со дня его кончины).

Воспоминанія И. Н. Потапенко.

(Окончаніе).

Среди петербургскихъ литераторовъ особенно близкихъ пріятелей у А. Л. не было, но добрыя товарищескія отношенія были со многими.

Съ большимъ вниманіемъ и, я даже скажу, съ товарищескимъ состраданіемъ относился онъ къ странной литературной судьбѣ недавно умершаго П. Л. Щеглова. Ихъ отношенія были давнія, завязавшіяся еще въ тѣ времена, когда у А. Л. не было извѣстности.

Чеховъ искренно жалѣлъ Щеглова и говорилъ, что его здоровый и вѣкогда талантъ „заболѣлъ неизлѣчимою болѣзью“.

Въ самую дѣлу, странна была судьба этого писателя, который началъ такими свѣжими, здоровыми очерками военной жизни, помѣщавшимися въ „Дѣло“, а затѣмъ точно вдругъ попалъ въ какой-то тупикъ, изъ котораго никакъ не могъ выбраться.

Соблазнилъ его театръ, и написалъ онъ для театра что-то, и въ-дальнейшее успѣхъ. И этотъ успѣхъ какъ будто отравилъ его. Въ дальнѣйшемъ на всей его работѣ лежалъ налетъ театра и кулисы.

И при этомъ странно то, что самъ онъ не былъ театральнымъ человѣкомъ. Никто не вспомнитъ, чтобы часто его видѣли въ театрѣ, а тѣмъ больше—встрѣчали за кулисами. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ народному театру, много писалъ о немъ, составилъ книгу, которая, впрочемъ, никакого движенія въ дѣлѣ народнаго театра не произвела.

И вотъ, когда о немъ заходила рѣчь, лицо Чехова всегда становилось печальнымъ. Онъ часто говорилъ объ особомъ авторскомъ пенхозѣ, которымъ заболѣваетъ человѣкъ, ставящій нѣсу.

Я самъ испыталъ это, когда ставилъ „Иванова“,—говорилъ онъ и описывалъ болѣзнь:—человѣкъ теряетъ себя, перестаетъ быть самимъ собой, и его душевное состояніе зависитъ отъ такихъ пустяковъ, которыхъ онъ въ другое время не замѣтилъ бы: отъ выраженія лица помощника режиссера, отъ походки выходнаго актера...

„Актеръ, исполняющій главную роль, надѣлъ клетчатый галстукъ, а автору кажется, что тутъ галстукъ черный. Публика можетъ-

быть, совсѣмъ не замѣчаетъ галстукъ. а ему, автору, кажется, что она не видитъ ни декораций, ни игры, а только галстукъ. и что это ужасно, и что галстукъ этотъ погубитъ пьесу.

„Бываетъ и хуже: актриса—ломачка, вульгарнѣйшая изъ женщинъ.—раньше онъ не могъ выносить ся голоса, у него дѣлались спазмы въ горлѣ, когда она съ нимъ кокетничала. Но вотъ ей аплодируютъ, она тянетъ пьесу къ успѣху, и онъ, авторъ, начинаетъ чувствовать къ ней нѣжность, а въ антрактѣ подбѣгаетъ къ ней и цѣлуетъ ей ручки...“

„А вотъ идетъ главная сцена, на которую онъ возложилъ все надежды. Въ залѣ кашляютъ, сморкаются. Ни малѣйшаго впечатлѣнія, ни хлонка... Авторъ прячется въ темной норѣ, среди старыхъ декораций, и рѣшается никогда отсюда не выйти и уже ощущиваетъ свои подтяжки, пробуя, выдержать ли онѣ, если онъ на нихъ повѣситъ.“

„И никто этого не понимаетъ. И тѣ не понимаютъ, что приходится за кулисы „утѣшать“ автора и даже поздравляють съ успѣхомъ. Они не подозреваютъ, что передъ ними временно-сумасшедшій, который можетъ наброситься на нихъ и искушать ихъ.“

„Человѣкъ съ болѣе или менѣе здоровой нервной организаціей выдерживаетъ это потрясеніе, понемногу отходитъ, и дня черезъ три его можно перевести въ разрядъ „выздоровливающихся“, но нынѣ это потрясаетъ на всю жизнь. Вотъ это и случилось съ Иваномъ Леонтьевичемъ.“

„Итъ, вы посмотрите, что ему театр! Да онъ его даже, въ сущности, не любитъ, почти не бываетъ въ немъ и не знаетъ ни актеровъ ни актрисъ, а пишетъ объ актергахъ и актрисахъ.“

И онъ постоянно убѣждалъ Щеглова: „Бросьте вы театр и кулисы. Въѣзъ это же, въ сущности, лазаретъ самолюбій. За исключеніемъ, можетъ-быть, дюжины настоящихъ талантовъ, все — страдающіе mania grandiosa. А вы обратили бы ваше благосклонное око на простую здоровую жизнь, которой покрутъ васъ хоть отбавляй. Вотъ отворите окно—и она на васъ такъ и пахнетъ.“

Но это не помогло. Щегловъ пережилъ Чехова, но отъ театральной отрасли не выльчился. Кажется, иногда онъ даже сомнѣвался въ полной искренности Чеховскихъ совѣтовъ: вѣдь самъ-то Антонъ Павловичъ театромъ занимается, для театра пишетъ, и театръ въ послѣдніе годы завершилъ его славу.

Но тутъ уже было роковое непониманіе, съ которымъ ничего нельзя было подѣлать.

Въ Петербургѣ у А. П. было много литературныхъ друзей, и каждый хотѣлъ повидаться съ нимъ. Онъ былъ для петербуржцевъ человѣкомъ свѣжимъ, отъ него живой Русью вѣяло. Въ туть, встрѣчаясь постоянно въ однихъ и тѣхъ же комбинаціяхъ, изрядно надоели другъ другу, и появленіе его — такого своеобразнаго и такъ непохожаго на всѣхъ — какъ бы озонировало атмосферу.

Въ воспоминаніяхъ одного писателя, достовѣрность которыхъ выше всякихъ сомнѣній, я нашелъ описаніе странной сцены: какъ, въ квартирѣ одного извѣстнѣйшаго писателя, почтенная дама, впоследствии занимавшая видное положеніе въ журнально-издательскомъ дѣлѣ, задѣла Чехова рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ его литературныхъ друзей. И это была его первая встрѣча и съ писателемъ и съ дамой.

Въ воспоминаніяхъ объ этомъ говорится векользь, но я знаю, что эпизодъ этотъ въ дѣйствительности не скользнулъ по дунѣ Антона Павловича. Онъ не задѣлъ и не оскорбилъ его лично, хотя не было бы ничего удивительнаго, если бы такъ случилось.

Каждый имѣетъ право считать своими друзьями тѣхъ, кто ему нравится. Опредѣляя направленіе писателя, казалось бы, достаточно имѣть въ виду его произведенія и оставить въ сторонѣ его друзей.

Но упрекъ этотъ подѣйствовалъ на него въ другомъ направленіи. Онъ всю жизнь потомъ страшился тѣхъ исключительности и нетерпимости, какими повѣяло на него въ томъ эпизодѣ.

Я встрѣтился съ нимъ гораздо позже, и все же объ эпизодѣ этомъ онъ мнѣ разсказалъ и не разъ возвращался къ нему. И потому, сколько мнѣ извѣстно, онъ, по своимъ общественно-политическимъ симпатіямъ близкій къ взглядамъ того кружка, до конца жизни никогда съ нимъ не сблизился.

— Хорошіе люди, — говорилъ онъ: — всѣ превосходные люди, но требуютъ, чтобы и ты былъ такимъ же превосходнымъ, какъ они.

Но это было, можетъ-быть, единственное огорченіе, доставленное ему петербургскими литературными кругами. Сколько я помню, всегда всѣ были ему рады, и его появленіе всюду приветствовалось. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не только производилъ освѣжающее впечатлѣніе, но какъ-то безъ всякихъ стараній съ своей стороны объединялъ довольно-таки разбросанные и разрозненные элементы.

Онъ, наиримѣръ, въ одинъ изъ своихъ прѣздовъ въ Петербургъ подвинулъ здѣшнихъ беллетристовъ хоть разъ въ мѣсяцъ собираться на общіе обѣды. Прѣздъ его совпалъ съ Татьянинимъ днемъ. Въ Москвѣ онъ привыкъ этотъ день проводить въ шумномъ обществѣ товарищей по Московскому университету, и привычка эта была такъ сильна въ немъ, что онъ, несмотря на то, что дѣла этого не позволяли, чуть-было не укатилъ на одинъ вечеръ въ Москву.

Онъ отказался отъ этой мысли только тогда, когда ему удалось уговорить группу петербургскихъ беллетристовъ собраться въ этотъ день гдѣ-нибудь въ ресторанѣ для общаго обѣда, что и было исполнено.

И этому обѣду суждено было сдѣлаться „учредительнымъ“, такъ какъ отъ него пошелъ цѣлый рядъ регулярно повторявшихся обѣдовъ. Они назывались „беллетристическими“. Но потомъ почему-то припилили къ нимъ нѣчто неоправданное названіе „Арзамасъ“. Кличка, какъ нимало не подходящая и взятая на прокатъ, скоро сама собою отклеилась, да и обѣды погубилъ отъ взаимнаго равнодушія участникомъ и—какъ это ни странно — отсутствія общихъ интересовъ.

Изъ сверстниковъ-беллетристовъ большими симпатіями его пользовались К. С. Баранцевичъ, М. Н. Альбовъ, В. А. Тихоновъ. Но совершенно особое мѣсто онъ отводилъ нынѣ уже покойному Дмитрію Наркисовичу Мамину-Сибиряку.

Онъ вызвалъ въ Чеховѣ особый интересъ и какъ человѣкъ и какъ писатель, и А. П. при встрѣчахъ видимо присматривался къ нему и наблюдалъ его. Онъ какъ бы любовался его самобятностью и часто говорилъ о томъ, что вотъ этого человѣка жизнь трепала, какъ, можетъ-быть, ни одного изъ насъ, а онъ между тѣмъ не уступилъ ей ни капли изъ своего уральскаго колорита.

Какъ-то у него все выходило по-своему. Его грубоватая и зачастую непріемлемая въ взыскательномъ обществѣ рѣчь, изумительная по своей мѣткости шутки, лишеныя всякой дипломатичности эпитеты, которые онъ съ лицомъ невиннаго младенца преподносилъ пріятелиамъ, его полная беззаботность относительно вѣжливости, небрежно торчащіе въ разные стороны волосы, какой-какая одежда—все это выдѣляло его изъ ряда другихъ.

И невозможно было представить такой обстановки, гдѣ Маминъ заставилъ бы себя быть инымъ. Всегда и во всемъ онъ былъ самимъ собою и такимъ остался до конца дней своихъ.

Чеховъ сравнивалъ его съ черноземомъ гдѣ-нибудь въ Тамбовской или Херсонской губерніи: копать хоть три дня въ глыбину—все будетъ черноземъ, никогда до песку или глины не докопашься.

Въ одинъ изъ своихъ прѣздовъ въ Петербургъ А. П., встрѣтившись гдѣ-то съ Маминимъ, такъ сильно заинтересовался имъ, что потомъ все время въ разговорѣ возвращался къ нему, а затѣмъ вдругъ однажды покачался, что ни одной его вещи не прочиталъ, какъ слѣдуетъ.

Помню, что мы вмѣстѣ зашли въ книжный магазинъ Суворина, и онъ велѣлъ прислать ему все, что было издано отдѣльво, Мамина-Сибиряка.

И онъ принялся поправлять свою ослонность, каждый день въ свободные часы читая Мамина, но, когда при встрѣчѣ я его спрашивалъ о впечатлѣніи, онъ, видимо, избѣгалъ опредѣленно высказываться.

И только когда прошло нѣсколько дней, онъ однажды самъ заговорилъ объ этомъ:

— А знаешь... я про Мамина... Онъ въ книгахъ такой же точно, какъ и въ жизни. Тотъ же черноземъ—жирный, плотный, сочный, который тысячу лѣтъ можетъ родить безъ удобренія. Растутъ на немъ дикія травы и злаки, имъ же нѣтъ числа, а въ гущинѣ ихъ жиаутъ на волѣ зайцы, стрелы, куропапки и перепела... Это—та степь, которая воспѣта Гоголемъ.

— Ты хочешь сказать, что онъ некультуренъ?

— Да, вотъ слава Богу, за культурность онъ не гоняется. Но зато въ каждомъ его разсказѣ какой-нибудь Поль Бурже извлекъ бы матеріала на пять толстыхъ романовъ. Знаешь, когда я читалъ Маминскія писанія, то чувствовалъ себя такимъ жиденькимъ, какъ будто сорокъ дней и сорокъ ночей постился...

— Я теперь понимаю, почему онъ самъ такой,—слова потомъ вернулся онъ къ той же темѣ. — Тамъ, на Уралѣ, должно-быть, всѣ такіе: сколько бы ихъ ни толкли въ ступѣ, а они все—зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь въ общество этихъ крѣпншей, — сильныхъ, цѣлкихъ, устойчивыхъ черноземныхъ людей,—то какъ-то весело становится. Въ Сибири я встрѣчалъ такихъ, но, чтобы изображать ихъ, надо, должно-быть, родиться и вырасти среди нихъ. Тоже и языкъ... У насъ народничаютъ, да все больше по наслышкѣ. Слова или выдуманная или чужія. Я знаю одного писателя-народника, — такъ онъ, когда пишетъ, усердно роется у Дала и въ Островскомъ и подбираетъ оттуда подходящихъ „народныхъ“ словъ... А у Мамина слова настоящія, да онъ и самъ ими говоритъ и другихъ не знаетъ.

Въ другой разъ, снова вернувшись къ этой темѣ, Чеховъ сказалъ:

— Маминъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ по настоящему начинаютъ читать и цѣнить послѣ ихъ смерти. И знаешь, почему? Потому что они свое творчество не приурочивали къ преобладающему направленію...

Это ужъ было отчасти и про себя. Его вѣдь тоже упрекали въ равнодушіи къ направленію. Одно время это было даже ходячей фразой, которую повторяли люди, привыкшіе высказывать готовый сужденія съ чужого голоса: „Чеховъ—талантъ, но безъ всякаго направленія“.

Извѣстный въ то время критикъ Скабиченскій, который весь состоялъ изъ направленія, немало способствовалъ распространенію этого взгляда.

Симпатия Чехова къ Дмитрию Наркисовичу завершилась торжественнымъ совместнымъ снятиемъ въ фотографіи. Въ качествѣ общаго ихъ пріятеля, на этой карточкѣ очутился и я (см. № 26, стр. 512).

Начало зимы 1896 года ознаменовалось однимъ изъ самыхъ важныхъ событий, какія только бывали въ исторіи петербургскихъ казенныхъ театровъ. Я говорю объ известномъ провалѣ въ Александринскомъ театрѣ Чеховской „Чайки“.

Я знаю людей, которые и теперь еще, по прошедшии 18 лѣтъ, когда вспоминаютъ объ этомъ, начинаютъ беззастенчиво такъ, какъ будто это было вчера:

— Нѣтъ, но „Чайка“... Вы помните? Съ Комиссаржевской... Видѣ это было что-то безпримѣрное...

„Чайка“, — которая потомъ сдѣлалась символическимъ знакомъ Московскаго Художественнаго театра, и до сихъ поръ еще, кажется, красуется на его занавѣсахъ, бланкахъ и т. п.

Мнѣ привелось близко стоять ко всей исторіи этой постановки, заботиться о переносѣ экземпляровъ для цензуры, вести переговоры съ самой цензурой и т. п.

Современный читатель, вѣроятно, удивится упоминанію о переговорахъ съ цензурой. Онъ знаетъ „Чайку“, и ему известно, что тамъ нѣтъ ничего, что могло бы дать поводъ для работы красивыхъ чернилъ Театральной улицы.

Но въ тѣ времена, отдѣленные отъ насъ только 18-ю годами, ни одинъ авторъ не могъ поручиться за цензурность своей пьесы. Требования были не то что очень большія или суровыя, а просто произвольныя. Была не цензура, дѣйствующая на основаніи точныхъ правилъ, которые могъ бы имѣть въ виду и авторъ, а цензоръ, каждый съ своими особыми взглядами и требованиями и даже капризами.

Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ именно о „Чайкѣ“, Антонъ Павловичъ безпокоится о судьбѣ пьесы и называетъ цензора Литвинова. Это былъ цензоръ, съ которымъ драматурги предпочитали имѣть дѣло. Человѣкъ культурный, — съ нимъ можно было говорить, спорить, убѣждать. Къ пьесамъ онъ предъявлялъ минимумъ требований, дѣлалъ уступки, до самаго того рубежа, гдѣ начинался уже его личный рискъ ответственностью.

Но были цензоръ и другого рода, и ихъ весьма тщательно избѣгали авторы. Кажется, въ то время былъ еще живъ цензоръ Донауровъ, не пропуская въ пьесѣ никакого упоминанія о Богѣ, и если, напримеръ, у дѣйствующаго лица была привычка божиться, повторять — „ей-Богу“, то цензоръ преспокойно лишалъ его этой привычки, считая, что на сценѣ это представляетъ конунжество.

При такихъ обстоятельствахъ Чеховъ имѣлъ право бояться за „Чайку“. Но по счастью она попала къ „доброму цензору“ и существенной аварии не претерпѣла.

Самая пьеса, когда Чеховъ прислалъ ее въ Петербургъ еще въ рукописи и даже не въ оконченномъ видѣ, такъ какъ она отсылалась ему въ деревню, измѣнялась имъ и отдѣлывалась, — вызвала къ себѣ очень осторожное отношеніе.

Талантливость ея, какъ литературнаго произведенія, была въ глаза. Но для сцены, какъ казалось съ точки зрѣнія установившагося вкуса, въ ней чего-то важнаго не доставало. Не было условнаго развитія драматическаго сюжета съ постепеннымъ нарастаніемъ и разрѣшеніемъ въ концѣ, передъ паденіемъ послѣдняго занавѣса. Иными словами — не было того, что составляетъ сущность театральнаго представленія, что захватываетъ всего зрителя и держитъ его плѣнникомъ до конца.

Это породило сомнѣніе въ возможности удачной постановки ея на сценѣ. Мысль сама собою переносилась къ нашимъ актерамъ, которые привыкли къ известнымъ формамъ, и было мало надежды на то, что имъ удастся схватить, усвоить и выжить то совершенно новое, что предлагалъ имъ Чеховъ. Еще меньше было надежды на то, что пьесу пойметъ и приметъ наша театральная публика.

Но художественныя достоинства этого произведенія были такъ блестящи, краски такъ свѣжи и оригинальны, манера рисовать жизнь такъ проста и полна какого-то внутренняго изищества, особенно, Чеховскаго, секретъ котораго онъ никому не завѣщалъ и унесъ съ собою, какъ сказочный волшебникъ унесъ съ собой въ могилу вѣщее слово, заклятіе, которое только онъ одинъ знаетъ, — что думалось: почему знать, можетъ, свершится чудо, и эти достоинства такъ завладутъ актерами и публикой, что они не замѣтятъ того, чего не достаетъ.

Я лично былъ въ восторгѣ отъ „Чайки“, но съ Чеховымъ спорилъ. Я говорилъ, что сцена предъявляетъ нѣсколько законныхъ требований условности, и если писатель не хочетъ подчиняться имъ, то онъ не долженъ пользоваться сценой, а избрать для своихъ образовъ другой родъ литературы.

Но онъ этого не признавалъ и, возражая, впадалъ въ преувѣличеніе, какъ это съ нимъ всегда бывало: — никакихъ сюжетовъ не нужно. Въ жизни нѣтъ сюжетовъ, въ ней все переищено — глубокое съ мелкимъ, великое съ ничтожнымъ, трагическое съ смѣшнымъ. Вы, господа, просто загнилотизированы и поработочены рутиной и никакъ не можете съ нею разстаться. Нужны новыя формы, новыя формы...

Эту послѣднюю фразу онъ повторялъ часто, а въ „Чайкѣ“ вложилъ ее въ уста Треплеву и заставилъ тоже повторять.

Въ концѣ концовъ онъ на меня подѣйствовалъ своей убѣжден-

ностью. Я началъ думать, что художественныя достоинства „Чайки“ покораютъ жестоковѣрную публику Александринскаго театра.

Но въ судьбѣ этой пьесы сыграли роль такія случайности и постороннія дѣла обстоятельства, какія, кажется, немислимы ни въ одномъ театрѣ, кромѣ русскаго.

Въ то время въ Александринскомъ театрѣ въ полномъ ходу была система бенефисовъ. У главныхъ актеровъ бенефисы были ежегодныя, вторые же получали ихъ отъ времени до времени, за особыя заслуги или просто когда кому-нибудь удавалось выхлопотать. Основной репертуаръ сезона составлялся заранее, и если авторъ приходилъ съ своей пьесой во время сезона, то какими бы достоинствами она ни обладала, для нея уже не было мѣста.

Конечно, бывали исключенія. Связи и хлопоты, слово, замолвленное влиятельнымъ лицомъ, легко открывали дверь храма во всякое время. Но у Чехова не было связей, хлопотать же онъ не умѣлъ да и не хотѣлъ.

Но зато, благодаря бенефисамъ, на сцену иногда попадали пьесы, лишенные всякихъ художественныхъ достоинствъ, но заключавшія въ себѣ эффектную роль для бенефицианта. Бенефициантъ самъ выбиралъ для себя пьесу, требовалось только формальное утвержденіе дирекціи. Такъ же формально къ такимъ пьесамъ, относился и Театрально-Литературный Комитетъ. Что же было дѣлать, если актеръ или, еще хуже, актриса настаивали?

Если бенефисъ получалъ актеръ второстепенный, то онъ иногда, ради хорошаго сбора, жертвовалъ своимъ актерскимъ самолюбіемъ и выбиралъ пьесу съ козырной ролью не для себя, а для первой актрисы, имя которой дѣлало сборъ, или старался вытѣхать на имени автора.

Къ несчастью, тутъ случилось именно это послѣднее. Пьеса досталась для бенефиса Левкѣевой. Въ ней для бенефициантки со-вѣтъ не было роли.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, не помню — кому, А. П., говоря о распределеніи ролей въ „Чайкѣ“, сообщаетъ, что „Чайку“, т.-е. Нину Зарѣчную, будетъ играть толстая комическая актриса Левкѣева. Конечно, это была завѣдомая шутка.

Но въ дальѣйшемъ, когда начали искать роль для бенефициантки, стали вступать. Бенефициантъ въ пьесѣ нечего было дѣлать. Упоминаемая въ одномъ изъ писемъ Сувориву моя мысль — отдать ей роль жены управляющаго, конечно, не принадлежала къ удачнымъ, но это была единственная возможность такъ или иначе внести ее въ пьесу и, какъ это водилось, дать публикѣ возможность истрѣбить ее аллюдиентами.

Цѣль — прямо-таки святотатственная, когда рѣчь идетъ о такомъ произведеніи, какъ „Чайка“, но это все-таки было гораздо меньше зло, чѣмъ ставить пьесу въ бенефисъ Левкѣевой.

Это была актриса своеобразная. Есть такіе люди, которые, не дѣлая никакихъ усилій, однимъ своимъ появленіемъ въ обществѣ вызываютъ веселое настроеніе. Что-то въ нихъ есть смѣшное — въ манерахъ, въ движеніяхъ, въ голосѣ. Общество умираетъ отъ скуки, но появляется такой человѣкъ — и всѣмъ идругъ станоится весело.

Левкѣева, на мой взглядъ, была такая актриса. При исполненіи роли едва ли она задавалась цѣлью дать какой-нибудь характеръ или типъ. Это всегда была Левкѣева. Сама она по своему складу очень подходила для нѣкоторыхъ персонажей Островскаго, но это было вродо счастливое совпаденіе. Въ остальномъ же, въ чемъ она появлялась, она смѣшила своими манерами, походкой, голосомъ.

Появленіе такой актрисы въ пьесѣ Чехова, конечно, было бы неумѣстно. „Публика станетъ ждать отъ этой роли чего-нибудь смѣшного и разочаруется“, — совершенно справедливо замѣтилъ Чеховъ. Было ясно, что бенефициантку придется совѣтъ устранить изъ пьесы, что и было потомъ сдѣлано.

Дальше начали мудрить съ другими женскими ролями. Мужскія роли были болѣе или менѣе правильно, но женскія — это всегда труднѣе.

Правильная мысль роль актрисы поручить М. Г. Савиной, у которой эта роль вышла бы блестяще, по какимъ-то дипломатическимъ причинамъ, кажется, даже и не высказывалась. Для этой роли была выдвинута Дюжикова, хорошая актриса для драмы, но лишняя юмора и скучная въ характерныхъ роляхъ. Савиной же, по мысли А. С. Суворина, предполагалось предложить роль Зарѣчной, изъ чего, несмотря на огромный талантъ М. Г., едва ли вышло бы благо.

Почему-то о Комиссаржевской тогда никто и не подумалъ. Самъ же Чеховъ ни въ чемъ ее не выдалъ и не былъ знакомъ съ ея дарованіемъ. И только въ послѣднюю минуту вспомнили объ этой актрисѣ.

Невозможно описать, какъ волновалась Вѣра Федоровна, приступая къ созданію этой роли. Самая пьеса очаровала ее, но она боялась и за себя и особенно за пріемъ пьесы публикой.

Антонъ Павловичъ еще не было въ Петербургъ, когда приступили къ репетиціямъ. Онъ шлѣ слабо. Артисты отнеслись къ пьесѣ совершенно такъ же, какъ ко всякой другой.

Сегодня не пришелъ одинъ, завтра двое, и въ то время, какъ явившіяся играютъ свою роль уже подъ суфлера, за неявившагося читаетъ по рукописи помощникъ режиссера. Чтѣ изъ этого получалось — легко себѣ представить.

Артистъ, исправно посѣщающій репетиціи и искренно желаю-

щей добросовѣстно работать и создать изъ роли, что въ силахъ, терпящая, напрасно ищетъ тона, сбивается, а въ концѣ концовъ приходигь въ отчаяніе и на все машетъ рукой: что будетъ, то будетъ.

Такое отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ актеровъ — настоящая бѣда театра.

Есть большіе актеры съ признаннымъ талантомъ, благодаря чему они занимаютъ въ труппѣ твердое положеніе. Опираясь на своей авторитетъ и считая для своего большого дарованія и опытности достаточнымъ двѣ-три репетиціи, они обыкновенно на цѣлый рядъ репетицій не приходятъ, и то, что они сдѣлаютъ изъ своихъ ролей, для остальныхъ участвующихъ чуть не до послѣдняго момента является тайной. При такихъ условіяхъ никакой архитектурный планъ выполнить быть не можетъ, каждый играетъ за себя, чувствуетъ себя ответственнымъ, насколько это возможно, только за свою роль. Ни общей, единой для всѣхъ, задачи, ни тона, ни настроенія тутъ быть не можетъ.

Если отъ этого страдаетъ всякая пьеса, то „Чайка“, написанная тонкими штрихами, гдѣ лица нарисованы нѣжнѣйшими красками, должна была завянуть, какъ нѣжное молодое растеніе отъ повѣявшаго на него холода. Такъ это и было.

И когда Чеховъ, нѣмѣмъ изъ актеровъ незапятанный, пришелъ въ театръ, занявъ мѣсто не темной залѣ и посидѣлъ часа полтора, то, что произошло на сценѣ, произвело на него гнетущее впечатлѣніе. До спектакля оставалось пять дней, а половина исполнителей еще читала роли по тетрадкамъ, нѣкоторыхъ же вовсе не было на сценѣ, вмѣсто нихъ появлялся бородатый помощникъ режиссера и безъ всякаго выраженія прочитывалъ, въ видѣ репликъ, послѣднія слова изъ ихъ роли.

Когда режиссеръ упрекалъ актера, читающаго по тетрадкѣ: „Какъ вамъ не стыдно до сихъ поръ роль не выучить!“ — тотъ съ выраженіемъ оскорбленной гордости отвѣчалъ:

— Не беспокойтесь, я буду знать свою роль...

Антонъ Павловичъ вышелъ изъ театра подавленный. „Ничего не выйдетъ, — говоритъ онъ. — Скучно, неинтересно, никому это не нужно. Актеры не заинтересовались, значить — и публику они не заинтересуютъ“.

У него уже являлась мысль — приостановить репетиціи, снять пьесу и не ставить ее новсе.

Когда обо всемъ этомъ узнала Коммиссаржевская, она пришла въ отчаяніе. Сама она усердно посѣщала репетиціи, но играла вподголоса, — о ней судить Антонъ Павловичъ не могъ. Но она больше, чѣмъ кто другой, чувствовала всю нелѣпицу, какая выходила изъ представленія, и въ то же время видѣла себя безсильной.

На одну изъ слѣдующихъ репетицій Чеховъ пришелъ къ самому началу, и, когда его увидѣли актеры, на сценѣ произошло непонятное и неподдающееся объясненію явленіе, которое знакомо только актерамъ и, можетъ-быть, только русскимъ: чудо, иногда спасающее совсѣмъ проваливающуюся пьесу: безъ предварительнаго уговора — общій подъѣмъ, коллективное вдохновеніе, незримо сошедшіе съ неба огненные языки.

Всѣ подтянулись и начали играть. У не знающихъ ролей утончился и обострился слухъ, и они улавливали каждый шорохъ, вылетавшій изъ сфурлерской будки. Появился рисунокъ, даже что-то общее, что-то похожее на настроеніе.

Когда же вышла Коммиссаржевская, сцена какъ будто озарилась сіяніемъ. Это была поистинѣ вдохновенная игра.

Въ послѣдней своей сценѣ, когда Нина ночью приходитъ къ Треплеву, артистка поднялась на такую высоту, какой она, кажется, никогда не достигала.

Въ залѣ не было публики, но былъ Чеховъ, она играла для него одного и привела его въ восторгъ. Было что-то торжественное и праздничное въ этой репетиціи, которая несомнѣнно была чудомъ. Александринскіе актеры доказали, что, при извѣстныхъ условіяхъ, они могутъ достигать высочайшаго подъема.

И куда дѣвалось унылое настроеніе, съ которымъ Чеховъ уходилъ изъ театра послѣ предыдущихъ репетицій! Исчезли всѣ сомнѣнія. Пьеса несомнѣнно пройдетъ хорошо, и если публика не приметъ ея, то приметъ актеровъ, которые всѣ даютъ массу живого и интереснаго.

Но чудо, какъ видно, не повторяется. На генеральной репетиціи на сценѣ царилъ какая-то неопредѣленность. Что-то какъ будто передомилось, словно артисты, давъ слишкомъ много на той репетиціи, надорвали свои силы. Вдохновенія уже не было, огненные языки не слетѣли съ неба.

Все шло гладко, но блѣдно и сѣро. Чехонскіе люди все больше и больше сбивались на Александринскихъ. Актеры, которые такъ вдохновенно на той репетиціи отошли отъ себя, какъ будто забыли, какъ это они сдѣлали. Дорогу занесло снѣгомъ, и пришлось идти ощупью, какъ поало.

Накапунѣ представленія мы съ Антономъ Павловичемъ обѣдали у Палкина. Онъ уже предчувствовалъ неуспѣхъ и сильно нервничалъ.

Къ спектаклю пріѣхали изъ Москвы Марья Павловна и еще кой-кто изъ близкихъ, и онъ выражалъ недовольство. Зачѣмъ было нрѣзжать? Это какъ будто увеличивало его ответственность.

И вотъ — спектакль, кажется — дѣйствительно безпримѣрный въ исторіи театра, по крайней мѣрѣ на моей памяти.

Все же я долженъ сказать, что сужденія о какомъ-то исклю-

чительно, точно по особому заказу, плохомъ исполненіи „Чайки“ въ ту постановку ея на Александринской сценѣ были преувеличены. Я сужу по генеральной репетиціи и по дальнѣйшимъ спектаклямъ, кромѣ перваго представленія, на которомъ я, по особымъ личнымъ обстоятельствамъ, не былъ.

И тотъ провалъ, о которомъ такъ много говорили и писали, и который произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на Чехова, былъ вызванъ взаимодействіемъ исключительныхъ причинъ.

На сценѣ были Коммиссаржевская, Абаринова, Дюжикова, Читау, Давыдовъ, Варламовъ, Аполонскій, Сазоновъ, Писаревъ, Паничъ. Этимъ актерамъ, даже и не въ столь густой концентраціи, приходилось выступать въ пьесахъ безжизненныхъ и бездарныхъ, и они умудрялись дѣлать имъ успѣхъ. О небрежности же съ ихъ стороны, о невниманіи не могло быть и рѣчи.

Можно сказать съ увѣренностью, что они напрягали всѣ силы своихъ дарованій, чтобы дать наибольшее и наилучшее. То, чего не хватало, — общій тонъ, единство настроенія, — былъ недостатокъ коренной и проявлялся не здѣсь только, а и въ другихъ постановкахъ.

Можетъ-быть, здѣсь оно проявилось нѣсколько рѣзче, потому что среди участниковъ представленія были люди, отрицательно относившіеся къ самой пьесѣ и авторской манерѣ изображенія. Они такимъ образомъ играли безъ убѣжденности.

Но зато ихъ согрѣвала симпатія къ автору, котораго всѣ любили и желали сдѣлать для него какъ можно лучше.

И нес-таки былъ — даже не неуспѣхъ, а провалъ, притомъ выразившійся въ совершенно нетерпимыхъ, некультурныхъ, дикихъ формахъ.

И, конечно, дѣло было не въ актерамъ и не въ ихъ игрѣ, а въ публикѣ. Публика первыхъ представленій Александринскаго театра — довольно пріятная публика. Хорошее она принимаетъ съ восторгомъ, къ посредственному снисходительна. Въ массѣ она интеллигентна и равнодушна.

Въ театрѣ публика эта приходитъ отдыхать и съ нѣкоторой пользой для ума и сердца развлечься. Половина театра — но письма автора, режиссеровъ, актеровъ, дирекціи; они чувствуютъ себя чутьчку привилегированными, и это дѣлаетъ ихъ снисходительными союзниками.

И потому первыя представленія въ этомъ театрѣ почти сплошь проходятъ гладко. Актерамъ аплодируютъ, потому что любятъ ихъ, автора называютъ, — ну, хотя бы для того, чтобы посмотреть, каковъ онъ изъ себя и какое у него будетъ глупое лицо, когда онъ начнетъ раскланиваться.

Но бенефисная публика, это — нѣчто другое. Преобладающій составъ ея не поддается общему опредѣленію. Это зависитъ отъ того, чей бенефисъ.

У каждой актрисы и у каждого актера — свои особые поклонники, и ужъ они, конечно, первые заполняютъ запись на мѣста. И самая запись производилась (не знаю, какъ теперь) не въ кассѣ и не въ конторѣ театра, а у бенефицианта на дому.

Это тоже вѣдь представляетъ особаго рода прелесть: — прійти къ артисткѣ и засвидѣтельствовать свое поклоненіе или выразить его въ письменной формѣ. Такимъ образомъ успѣхъ пьесы ставится въ прямую зависимость отъ того, чей бенефисъ и каковъ контингентъ поклонниковъ.

Безъ сомнѣнія, актеръ знаетъ своихъ почитателей и пьесу для своего бенефиса выбиралъ примѣнительно къ ихъ вкусамъ, но въ данномъ случаѣ, очевидно, Левкѣву посѣтило какое-то затменіе. Рѣшительно необъяснимо, почему именно она выбрала „Чайку“ и этимъ ввела неповиннаго автора въ крайне невыгодную сдѣлку.

Левкѣва — веселая смѣшная актриса, обыкновенно появлявшаяся въ роляхъ бытовыхъ, а то игривая приживалка, старыхъ дѣвъ, которыя обыкновенно трактуются въ комическомъ видѣ и говорятъ смѣшныя слова, съ смѣшными ужимками.

При появленіи Левкѣвой на сценѣ всѣмъ было смѣшно, и вызванный ею смѣхъ былъ добродушнаго, но невысокаго, общедоступнаго качества. Ея поклонниками были кушцы, приказчики, гостинодворцы, офицеры.

Очевидно дѣло, что, когда былъ объявленъ ея бенефисъ, они подумали: „Левкѣва! Вотъ ужъ насмѣется, потѣшитъ душу. То-то, должно-быть, угоститъ она песочкой... Бока надорвемъ, смѣючись“.

И ринулись записываться на мѣста, незирая на возвышенныя цѣны. Сама Левкѣва въ этомъ случаѣ перескромничала, слишкомъ мало понадѣялась на свое собственное имя и усилила его еще именемъ автора.

Но въ томъ кругу, который она привлекла на свой бенефисъ, едва ли было даже извѣстно имя Чехова.

Были, конечно, зрители, которыхъ привлекло въ театрѣ имя не Левкѣвой, а Чехова, но ихъ было ничтожное число. Широкую интеллигентную аудиторію, которая тогда уже была у Чехова, бенефисныя цѣны заставили отложить наслажденіе до слѣдующихъ спектаклей.

И вотъ эта-то публика и явилась цѣнительницей Чеховскихъ „новыхъ формъ“, которыя ей показали со сцены. Ничего другого и не могло произойти, кромѣ того, что произошло.

Съ первыхъ же сценъ началось недоумѣніе. Актеры говорили на непонятномъ языкѣ недоступныя пониманію публики вещи. Никто не смѣшилъ, никто не раздражалъ душу.

Герой—какой-то неизвестный молодой человек, вздыхающий по „новым формам“ и страдающий оттого, что у него из литературы ничего не выходит.

Наивная провинциальная дбаушка... Известный писатель, пожилая актриса... Скучный доктор, скучный сельский учитель, жена его, льющая воду...

Требовать от этой публики, чтобы она разглядела ту тихую незримую трагедию, которая витает над жизнью этих людей, было бы даже несправедливо.

И, выслушав акт и часть второго, Ленкёвская публика почувствовала себя оскорбленной. Кроме того, эта публика была невоспитанная. Другая публика, если бы даже нашла пьесу неудачной, плохой, из уважения к автору — пропустила бы ее молчаливо. Это было бы неусилье, но в этом не было бы ничего обидного. Не нравится. Что с этим подблаеть? Дбло акуса.

Но тут было иначе. Невоспитанная публика захотела показать и даже подчеркнуть свою невоспитанность.

К моему большому счастью, я этого своими глазами не видел. Но люди, которые пришли послѣ спектакля, рассказали мнѣ вещи, которых я не хотѣлъ вѣрить.

Во время представления зрители первых рядов демонстративно поворачивались спиной къ сценѣ, громко разговаривали съ знакомыми, смѣлялись, шипѣли, свистали.

Какъ должны были реагировать на это актеры? Нужно знать, что такое актеръ на сценѣ. Это барометръ, чутко воспринимающий все, происходящее въ зрительной залѣ.

И ужь, конечно, всякое настроеніе и всякая игра должны были пойти къ чорту. Сначала недоумѣніе, потомъ обида, досада, отчаяніе, растерянность и „всеобщая паника“, какъ опредѣляетъ самъ Чеховъ.

Потомъ онъ кому-то писалъ, что актеры играли ужасно, ролей не знали и проч., и что будто бы игра была такъ плоха, что черезъ нее нельзя было разглядѣть самой пьесы.

Но тутъ онъ былъ несправедливъ. Актеры просто растерялись. Они никогда ничего подобнаго не испытали. Въ залѣ сидѣла чужая публика, которая и веда себя по-чужому.

„Всеобщая паника“—какой же хорошей игры можно было требовать отъ актеровъ, какого знанія ролей? Да они въ это время навѣрно забыли таблицу умноженія и свои собственные имена. И чѣмъ горячѣе они относились къ пьесѣ, тѣмъ сильнѣе это должно было въ нихъ проявиться.

Чеховъ несправедливо ввалилъ всю отвѣтственность на актеровъ, тогда какъ вся причина была въ публикѣ, а виноваты были онъ самъ, неосмотрительно отдавшій пьесу въ бенефисъ Левкёвой.

Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ невѣроятнымъ событіемъ, было огромно. И нужно было обладать Чеховской выдержкой, чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ.

Въ тотъ вечеръ я его не видѣлъ и не знаю, съ какимъ лицомъ онъ „ужиналъ у Романова, честь-честью“.

Я пришелъ къ нему на другой день часовъ въ десять утра. Онъ занималъ маленькую квартирку въ домѣ Суворина, гдѣ-то очень высоко, и жилъ одинъ. Я засталъ его за писаніемъ писемъ. Чемоданы, съ плотно уложенными въ немъ вещами, среди которыхъ было много книгъ, лежалъ раскрытый.

— Вотъ отлично, что пришелъ. По крайней мѣрѣ проводишь. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго триумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть.

— Какъ? Даже Марью Павловну?
— Съ нею увидимся въ Мелиховѣ. Пусть погуляетъ. Вотъ письма. Мы ихъ разошлемъ. Я уже уложился.

— Почтовымъ?
— Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать.
— Отыратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа.

— Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. А? Вотъ блаженство!.. Ни актеровъ, ни режиссеровъ, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошей нюхъ.

— А что?
— Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Минъ тоже не слѣдовало ходить. Если бы ты видѣлъ физиономіи актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно и обокрали ихъ, и обокрали меня за это сжигеней. Ну, идемъ...

Захвативъ чемоданы и письма, вышли и спустились по лѣстницѣ. Тутъ письма были отданы швейцару, съ порученіями. Въ одномъ онъ извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ Марью Павловну, въ другомъ Суворина, въ третьемъ, кажется, брата.

Взяли извозчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ Антонъ Павловичъ уже шутилъ, посмѣивался надъ собой, смѣялся себя и меня.

На дебаркадерѣ ходилъ газетчикъ, подошелъ къ намъ, предложилъ газетъ. Антонъ Павловичъ отвергъ: — не читаю! Потомъ обратился ко мнѣ:

— Посмотри, какое у него добродушное лицо, а между тѣмъ руки его полны отравы. Въ каждой газетѣ по рецензіи...

Поѣздъ былъ пустой, и у Антона Павловича оказалось въ распоряженіи цѣлое кузѣ второго класса.

— Ну, и сладко же буду спать,—говорилъ онъ.

Но въ глазахъ его было огорченіе. Всѣ эти остроги, шутки, смѣхъ ему кой-чего стоили.

— Конечно,—говорилъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ, уже стоя на площадкѣ вагона.—Больше писать не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, яко тать въ ночи,—кто-то изъ публики сказалъ: „Это бедлетристика“, а другой прибавилъ: „И иредлохая...“ А третій спросилъ: „Кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся?“ А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій госнодннъ возмущался: „Не понимаю, чего это дирекція смотритъ. Это оскорбительно — допускать такіа нысы на сцену“. А я прохожу мимо и, держа руку въ карманѣ, складываю фигу: — на, моль, скушай; вотъ ры и не знаешь, что это сдѣлать я.

— А то, можетъ, раздумаешь, Антонъ Павловичъ, да останешься?—предложилъ я, когда раздался второй звонокъ.

— Ну, нѣтъ, благодарю. Сейчасъ всѣ придуть и утѣшатъ будутъ—съ такими лицами, съ какими провожаютъ дорогихъ родственниковъ на каторгу.

Третій звонокъ. Простились.
— Приѣжай въ Мелихово. Пошьемъ и поподемъ.

И поѣздъ отошелъ. Антонъ Павловичъ уѣхалъ, глубоко оскорбленный Петербургомъ.

Но какъ скоро душа его осилила это проклятое навожденіе! На другой день, приѣхавъ въ Мелихово, онъ уже принялъ дѣловыя письма, хлопочеть о книгахъ для Таганрогской библиотеки, которой онъ помогалъ организоваться. Заботится о больныхъ мужикахъ, съ которыми онъ, несмотря ни на что, возится, а о своемъ душевномъ состояніи пишетъ нутливо: „Дома у себя я принялъ касторки, умылся холодной водой—я теперь хоть новую пьесу пиши...“

И опять явилась прежняя уравновѣшенность. Своей „Чайкѣ“ онъ сперва желѣлъ не показываться на глаза. На просьбу помѣстить ее въ „Русской Мысли“ послалъ отказъ, а потомъ согласился, разрѣшилъ любителямъ играть ее и вообще примирился съ нею.

Я былъ на второмъ и на третьемъ представленіяхъ „Чайки“. Въ зрительной залѣ сидѣла обычная публика Александринскаго театра, и я могъ наблюдать, съ какими вниманіемъ она вслушивалась въ то новое, что происходило на сценѣ.

Тамъ не было обычныхъ — драматической актрисы, перваго любовника, простака-мужа, великобѣтскаго хлыща и пр. и пр., что полагалось и къ чему привыкли глазъ и ухо, но это не мѣшало съ любовнымъ вниманіемъ слушать и смотреть.

Я рѣшительно утверждаю, что пьеса на этихъ представленіяхъ нравилась большой публикѣ. Актеры начали сыграваться, и можно было думать, что мало-по-малу у нихъ получится иѣчто цѣльное, чего нельзя было и требовать раньше за почти полнымъ отсутствіемъ настоящихъ репетицій, и „Чайка“ войдетъ въ репертуаръ.

Въ этомъ смыслѣ я и другіе телеграфировали и писали Антону Павловичу, но онъ принялъ это за желаніе утѣшить и вообще отнесся скептически.

Онъ былъ правъ только въ одномъ отношеніи: что, если даже все это и такъ, то пьесѣ не дадутъ выиграться и занять надлежащее мѣсто. Такъ это и случилось.

Тогдашняя дирекція оказалась по своимъ художественнымъ вкусамъ мало чѣмъ выше той публики, которая панопияла залу на первомъ представленіи „Чайки“. Бенефисная дирекція... Въ оцѣнкѣ пьесы она, очевидно, руководствовалась такими вѣчными признаками, какъ вызовъ актеровъ, аллодисменты и цифра сбора.

Аллодисментовъ дѣйствительно было немного и вызовы были скромные. Но это не важно. „Гроизъ аллодисментовъ“ обыкновенно вызывается чѣмъ-нибудь эффектнымъ, совершающимся на сценѣ, а въ „Чайкѣ“, какъ и вообще у Чехова, за исключеніемъ первыхъ его пьесъ, написанныхъ еще въ старомъ манерѣ, т.-е. именно до „Чайки“, — такихъ нарочито эффектныхъ мѣстъ не было.

Что же касается цифры сборовъ, то „новыя формы“, казалось бы, заслуживали того, чтобы подождать и дать публикѣ возможность ознакомиться съ ними, разглядѣть ихъ и оцѣнить.

Но цифра 800 рублей на четвертомъ представленіи такъ искугала дирекцію, что она, чуть ли не послѣ этого спектакля, рѣшила снять пьесу съ репертуара.

А нѣсколько лѣтъ спустя, „Чайка“ была вторично поставлена въ томъ же театрѣ. Тогда уже появились новыя вѣщія и была новая дирекція. Роли были распределены нѣсколько иначе. Въ Александринскомъ театрѣ уже не было Коммиссаржевской, умеръ Сазоновъ, изъ пьесы выступилъ Варламовъ.

И что же? Несмотря на все это, „Чайка“ имѣла успѣхъ. Она была дана зауряднымъ спектаклемъ бенефисной публикѣ не было предоставлено рѣшать ея судьбу. Коммиссаржевскую замѣнила Селиванова, хорошая актриса, но не претендовавшая даже на сравненіе съ Коммиссаржевской. Роль Сазонова исполнялъ Шуваловъ, опять-таки съ большимъ успѣхомъ для роли.

И, несмотря на все это, пьеса имѣла успѣхъ, дѣлала сборы и держалась на афишѣ.

Я ужь не говорю о Художественномъ театрѣ, для котораго „Чайка“ была своего рода исходнымъ пунктомъ, гдѣ она имѣла шумный демонстративный успѣхъ.

И я совершенно увѣренъ, что, если бѣ и въ первый разъ въ Александринскомъ театрѣ „Чайка“ была дана обыкновеннымъ спектаклемъ, то публика приняла бы ее, хотя, можетъ-быть, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но благосклонно и почтительно. Какъ театральная пьеса, „Чайка“ не удовлетворила бы ее, но ильнили бы ея исключительныя художественныя достоинства.

Все то, чтѣ я разсказать здѣсь, я взялъ изъ своей памяти. Я не веду дневниковъ и не имѣю привычки записывать свои мысли и наблюденія въ записныя книжки.

Но если бы даже такая привычка у меня была, я ничего не записалъ бы о Чеховѣ, такъ какъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на объектъ для наблюденія.

Менѣ всего я претендую на характеристику личности А. П. Чехова. Я хотѣлъ только отмѣтить нѣкоторые моменты его жизни, когда я стоялъ къ нему близко. Пусть все это будетъ даже незначительно, но ничто касающееся его не должно быть потеряно.

Десять лѣтъ тому назадъ умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя онъ воскресъ передъ нами въ своихъ письмахъ, которыя были собраны и изданы въ четырехъ книгахъ.

Сборники эти не полны. Я, напримѣръ, знаю, что послѣ постановки „Чайки“ у А. П. была переписка съ В. Ф. Комиссаржевской, писалъ онъ и Д. Н. Мамину и другимъ. Этнихъ писемъ, вѣроятно, нельзя было получить, и ихъ нѣтъ въ изданныхъ сборникахъ.

Но, несмотря на неизбежныя пробѣлы, эти четыре книги воскрешаютъ передъ нами его образъ съ изумительной ясностью и красочностью.

Читая эти пьесы, я вижу передъ собою живого Антона Павловича и люблю его изящной очаровательной душой.